Книгоиздательство „Молодая Россія“.

ГЕ135
З 256

П. Лавровъ.

Знаніе и революція.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.
1906.

Книгоиздательство «МОЛОДАЯ РОССІЯ».

П. Лавровъ.

Знаніе и революція.

Съ портретомъ автора.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.
Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.
1906

1. 2123.

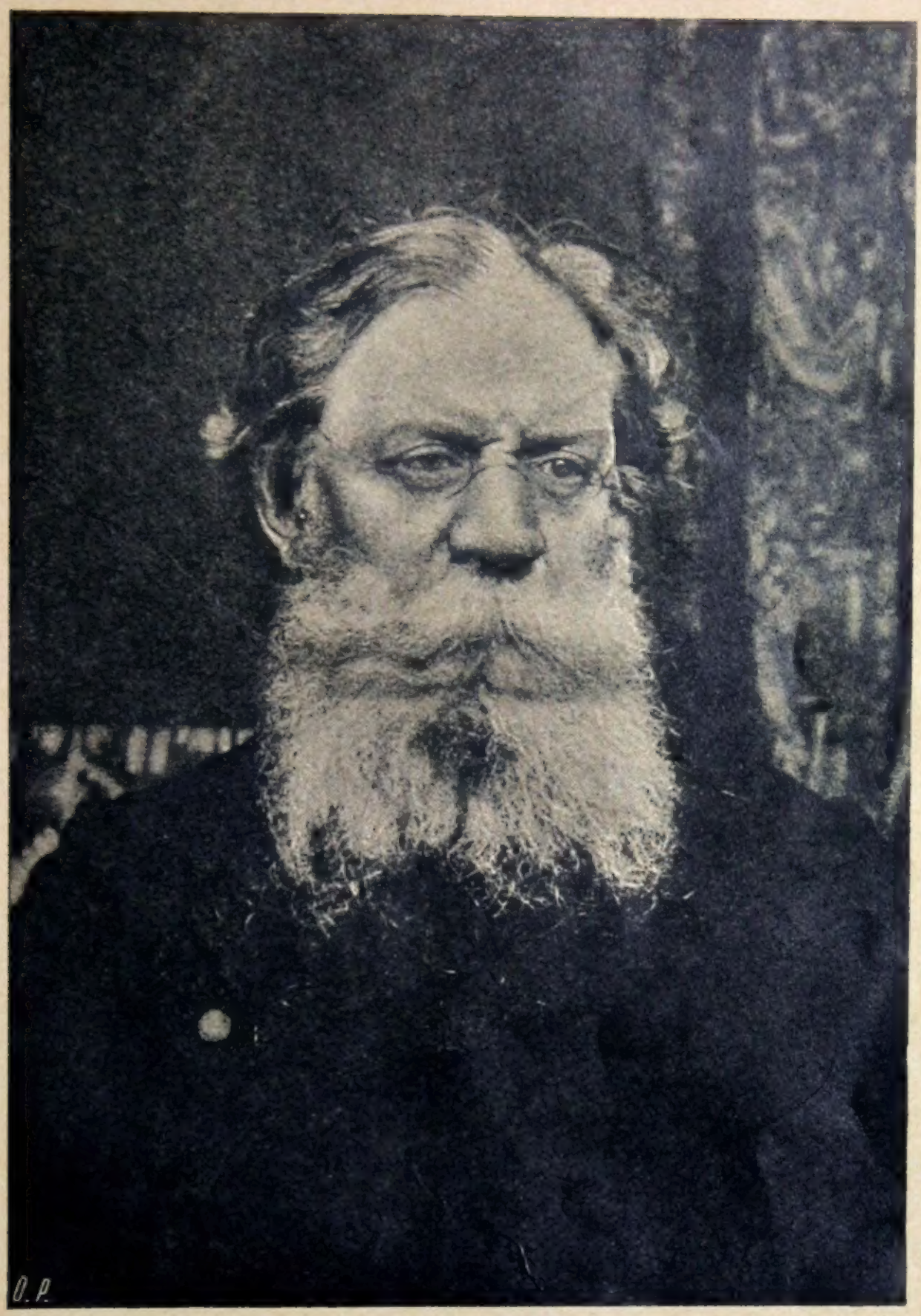
ГЕ135
З 856

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА

161-1954

65495

Дозволено цензурою. Ростовъ на Дону 14 авг. 1905 г.



П. Лавровъ.

Изъ письма къ ***

...Вы желали, чтобы я письменно повторилъ вамъ тѣ аргументы, которые такъ часто мнѣ приходилось приводить въ разныхъ видахъ, по разнымъ частнымъ случаямъ. Вамъ хочется имѣть ихъ передъ собою, чтобы, какъ вы полагаете, тѣмъ лучше убѣдиться въ ихъ несостоятельности. Охотно исполняю ваше желаніе, но надѣюсь, что результатъ выйдетъ иной. Надѣюсь, что, внѣ оживленнаго спора, къ которому всегда примѣшивается капелька самолюбія, доза желанія оставить за собою послѣднее слово—вы отнесетесь спокойнѣе къ предмету нашихъ обычныхъ несогласій, спокойнѣе взвѣсите значеніе вашей теоріи для цѣли, къ которой мы одинаково стремимся, которую мы одинаково любимъ; а тогда вы не будете въ состояніи не замѣтить, на сколько вы ошибаетесь, на сколько ваша теорія, при ея осуществленіи, можетъ быть вредна для той самой цѣли, къ которой вы стремитесь; для той самой, которую вы любите. И я вѣрю настолько въ вашу искренность, что ни минуты не сомнѣваюсь въ слѣдующемъ: какъ только вы замѣтите это, вы откажетесь отъ вашей теоріи; вы вылѣчитесь отъ той умственной эпидеміи, которая захватила нѣкоторые кружки русской молодежи, коснулась и васъ, и которую я считаю однимъ изъ самыхъ явно-патологическихъ явленій въ умственной жизни нашей передовой молодежи. А явленій этого рода можно насчитать не мало.

Во первыхъ, установимъ общую для насъ обоихъ почву. Мы оба согласны, что цѣль общественной дѣятельности для русскаго, искренно желающаго блага своей родинѣ, можетъ быть теперь одна и только одна: сдѣлать русскую землю достояніемъ свободнаго русскаго народа, народа тружениковъ, и перенести на его общины всю политическую силу, которая теперь концентрирована въ рукахъ его повелителей или размѣщена въ

чиновничествѣ. Мы согласны и въ томъ, что, для достиженія этой цѣли, мало надежды на путь легальныхъ реформъ, постепенныхъ уступокъ, которыя группируются около этихъ учрежденій; мало надежды на нашихъ конституціоналистовъ, скромно довѣряющихъ свои проекты конституцій избранному кружку вѣрныхъ друзей при запертыхъ наглухо дверяхъ, вполголоса, оглядываясь, какъ бы кто не подслушалъ; мало надежды на нашихъ парламентаристовъ, воспитывающихъ въ себѣ громы будущаго политическаго краснорѣчія въ спичахъ, произносимыхъ на земскихъ собраніяхъ съ оттѣнкомъ соболѣзнованія о томъ, что дѣла идутъ не «совсѣмъ» такъ, какъ слѣдуетъ, или на адвокатской каѳедрѣ въ защиту обвиненнаго, котораго не защититъ никакой приговоръ присяжныхъ, если рѣшено спровадить его подальше. Для васъ, какъ для меня, господство свободнаго русскаго народа въ русской землѣ возможно лишь путемъ радикальнаго переворота, путемъ революціи, которая должна унести неограниченную монархію, но не должна позволить утвердиться и конституціонному строю общества амфибіи. Между нами нѣтъ, надѣюсь, разногласія и въ томъ, что никто не имѣетъ права навязывать народу *свою* программу; захватить власть и установить изъ своего индивидуальнаго, высокаго разума новый, лучшій строй, который бы *даровалъ* русскимъ мужичкамъ и автономію общины, и соціалистическое владѣніе землею, и федерацію свободныхъ крестьянскихъ центровъ, и всѣ тѣ блага, которыя такъ ловко и гладко вырабатываются на бумагѣ, въ уединеніи волнующейся мысли, въ отсутствіи всѣхъ реальныхъ препятствій, всего реальнаго разнообразія условій народной жизни, всей реальной рутины быта, столь же сильно тяготѣющей надъ нашимъ народомъ, какъ и надъ всякимъ другимъ обществомъ. Я не ошибусь, какъ полагаю, утверждая, что и вы допускаете для насъ, выдѣленныхъ изъ народа полуторавѣковою исторіею, отчужденныхъ отъ него привычками мысли и привычками жизни и преданіемъ крѣпостничества, отчужденныхъ еще болѣе его труднопобѣдимымъ недовѣріемъ, одну роль, роль иниціаторовъ, истолкователей, помощниковъ народа; самое же движеніе, которое должно сдѣлать его господиномъ земли русской, вы ожидаете отъ него самого; программа но-

ваго строя, который опредѣлитъ будущее Россіи, должна выйти изъ самого народа, и подъ его диктовку будутъ писаться тѣ положенія, тѣ установленія, тѣ деклараціи, которыя дадутъ форму ожидаемому строю. Не правда ли, что мы въ этомъ съ вами согласны? И не только въ этихъ теоретическихъ основахъ мы съ вами не расходимся. Я думаю, что мы идемъ далѣе, въ нѣкоторыхъ практическихъ результатахъ, отсюда вытекающихъ. Вы не принадлежите къ тѣмъ, которые думаютъ помочь русскому народу, заводя школы, сельскіе банки, больницы, потребительныя и производительныя ассоціаціи, какъ *дѣйствительныя* лекарства въ настоящее время отъ зла, истощающаго народъ. Лица зараженныя этою болѣзненною иллюзіею принадлежатъ къ другой формѣ современныхъ патологическихъ явленій въ нашей молодежи, къ другой категоріи зараженныхъ. Когда нибудь я, можетъ быть, буду имѣть случай обратиться къ нимъ, но обращаясь теперь къ вамъ, я не имѣю нужды останавливаться на ихъ иллюзіяхъ. Мы оба, я думаю, согласны, что это иллюзіи; что ложкой не исчерпаешь моря, микроскопической мѣстною помощью не вылѣчишь народа. Мы согласны, что все это, можетъ быть, и не дурно, какъ минутное палліативное средство, чтобы уменьшить острую боль въ данное мгновеніе, въ данномъ мѣстѣ, у даннаго небольшого кружка лицъ; но все это не только не существенно, а скорѣе отвлекаетъ народъ отъ размышленія о дѣйствительной, общей причинѣ его страданій, внушая ему мысль, что эти стихійныя общественныя боли могутъ быть излѣчены мѣстными ничтожными лѣкарствами; это уменьшаетъ энергію его раздраженія противъ всего давящаго его строя и отдаляетъ минуту его взрыва. Для насъ съ вами помощь народу лежитъ въ одномъ: дать ему понять причину,—настоящую, основную причину его страданій; указать ему его силы для искорененія этой причины; а затѣмъ раздѣлить съ нимъ шансы и опасности борьбы за лучшую будущность. Тутъ единственное радикальное, единственное возможное лѣченіе его страданій. Школы и больницы и ассоціаціи могутъ быть *средствами* для этой дѣятельности, но она—одна существенна.

Итакъ, мы съ вами согласны и въ томъ, что роль нашей передовой молодежи, желающей блага народа, заключается въ

томъ, чтобы, во первыхъ, сблизиться съ народомъ; во вторыхъ —подготовлять его къ минутѣ, когда ему будетъ возможно сбросить давящее на него иго государства, разрушить старыя стѣснительныя формы общежитія и основать новое общество по *своимъ* потребностямъ, согласно *своимъ* задачамъ; наконецъ, въ третьихъ, роль нашей передовой молодежи будетъ заключаться въ томъ, чтобы помочь народу *всѣми пріобрѣтенными ею силами* въ трудную минуту борьбы основать не эфемерный, но *прочный* порядокъ вещей. Надѣюсь, что вы въ этомъ мнѣ противорѣчить не будете. Но шагъ далѣе, и мы расходимся; наше разногласіе начинается. Я говорилъ вамъ, что русской молодежи слѣдуетъ подготовить себя къ этой важной, нравственно обязательной роли самымъ серьезнымъ умственнымъ развитіемъ; что лишь основательное знаніе даетъ эту подготовку, а потому всякій серьезно желающій блага народу, всякій сближающійся съ нимъ въ виду *плодотворной* революціонной пропаганды, всякій имѣющій въ виду стать дѣятелемъ будущаго переворота для основанія *прочнаго* господства народа въ землѣ русской, долженъ развивать свой умъ научной критикой, обогащать свою мысль основательнымъ знаніемъ. Знаніе, повторяю я, есть необходимое подготовленіе къ революціонной дѣятельности, необходимое орудіе для того, чтобы доставить этой дѣятельности не мгновенный успѣхъ, но прочное торжество. Знаніе есть основная сила подготовляющейся революціи, основная сила воплощенія революціи въ дѣло. Вы съ этимъ согласиться не хотите, и ваше мнѣніе въ этомъ случаѣ не одинако. Если я вѣрно и ясно понялъ ваши возраженія, то вы противупоставляете мнѣ слѣдующіе аргументы. Революцію произведетъ не молодежь цивилизованнаго общества; произдетъ ее народъ. Въ немъ одномъ должно возбудиться сознаніе его страданій, сознаніе претерпѣваемыхъ имъ несправедливостей, сознаніе безобразія общества, на него давящаго. Для этого сознанія не нужно науки, нужны лишь самыя элементарныя свѣдѣнія, главное же нужна крѣпкая вѣра въ правоту своего дѣла, нужна энергическая рѣшимость бороться и побѣдить. Для нашей молодежи единственный не безнравственный исходъ изъ ея нынѣшняго ложнаго положенія это

—стать въ ряды народа, сдѣлаться народомъ, страдать вмѣстѣ съ нимъ, работать вмѣстѣ съ нимъ; когда же настанетъ минута возстанія, то бороться вмѣстѣ съ нимъ и побѣдить въ его рядахъ. Для всего этого знаній не нужно; терять время на пріобрѣтеніе этихъ знаній постыдно; нужно только горячо любить народъ, горячо сочувствовать его страданію, горячо ненавидѣть его притѣснителей; нужно сжиться съ народомъ, раздѣлить его заботы, его стремленія; нужно вести пропаганду дѣйствія и вести ее дѣйствіемъ. Когда же народъ станетъ единственною силой на землѣ русской, тогда онъ самъ увидитъ, нужно ли ему знаніе, и сколько его нужно, нужны ли ему спеціалисты знанія или нѣтъ. Онъ тогда самъ выработаетъ себѣ науку именно такого сорта, какая ему будетъ нужна. Вы поддерживали, если не ошибаюсь, ваше мнѣніе и аргументами, заимствованными изъ исторіи. Вы указывали на то обстоятельство, что всѣ возстанія, всѣ революціи происходили не по программѣ, выработанной учеными, не на основаніи научныхъ теорій и аргументовъ: онѣ выходили изъ массъ, необразованныхъ, не уяснявшихъ себѣ всѣхъ понятій и принциповъ, за которые онѣ сражались, но тѣмъ живѣе чувствовавшихъ необходимость отстоять себя отъ невыносимаго давленія, тѣмъ энергичнѣе бросавшихся въ бой. И это чувство, эта ненависть, эта энергія поддерживали борющіяся массы, иногда доставляли имъ побѣду. Народы — прибавляли вы—въ цѣломъ не были никогда и доступны наукѣ; она была всегда дѣломъ крайне небольшого меньшинства. Народы воспламенялись, одушевлялись, приходили въ движеніе всегда во имя вѣрованій. Эти вѣрованія были порою весьма нелѣпы, во всякомъ случаѣ не имѣли ничего общаго съ пріемами научной критики, и всегда была очень позади знаній и міросозерцанія передовыхъ мыслителей того же времени. Но это были *народныя* вѣрованія, и въ томъ была вся ихъ сила, совершенно независимо отъ ихъ теоретическаго содержанія. Рядомъ съ этимъ содержаніемъ, большею частью нелѣпымъ, они преслѣдовали практическіе вопросы, единственно важные для народа. И въ этихъ вопросахъ была вся суть историческаго прогресса. И тотъ, кто шелъ съ народомъ къ его практическимъ цѣлямъ во имя нелѣпыхъ народныхъ вѣрованій, былъ болѣе прогрессив-

нымъ дѣятелемъ, чѣмъ умный, понимавшій нелѣпость этихъ вѣрованій и возставававшій противъ нихъ. Эти вѣрованія сами по себѣ, какъ связанныя народнымъ стремленіемъ къ лучшему строю общества, были болѣе передовымъ, болѣе важнымъ явленіемъ въ области мысли, чѣмъ всѣ возможныя научныя истины и философскія міросозерцанія, одновременно съ ними существовавшія, но не имѣвшія ничего общаго съ народными движеніями. Слѣдовательно, въ исторіи народныхъ революцій знаніе играло самую ничтожную роль, и роль его не могла быть иною, какъ ничтожной. Такъ оно было всегда; такъ оно и должно быть по самой сущности дѣла. Поэтому человѣкъ, ставящій себѣ цѣлью подготовить народную революцію и участвовать въ ней, не только не имѣетъ нужды тратить время и трудъ на пріобрѣтеніе знаній, для революціонной дѣятельности совершенно безполезныхъ, но поступаетъ противно собственнымъ цѣлямъ, противно указаніямъ исторіи, обращая особенное вниманіе на расширеніе собственныхъ знаній или знаній народа. Знаніе не имѣетъ ничего общаго съ революціонной дѣятельностью.

Надѣюсь, что я не ослабилъ вашихъ возраженій и даже постарался сгруппировать ихъ такимъ образомъ, чтобы придать имъ всю возможную силу. Но я постараюсь доказать вамъ, что и при всей возможной силѣ эти возраженія вполнѣ несостоятельны. Прежде всего я спрошу васъ: отрицаете ли вы безусловно, что знаніе есть сила, сила весьма значительная, сила историческая? Не думаю, чтобы вы это рѣшились отвергнуть вполнѣ, окончательно. Не думаю, чтобы вы могли думать, что какія либо соціалистическія ученія, заслуживающія вниманія, солидарны съ подобнымъ утвержденіемъ.

Передо мною двѣ брошюры, написанныя представителями двухъ прямо враждебныхъ между собою партій, раздѣляющихъ теперь приверженцевъ рабочаго соціализма. Одна подписана именемъ Бакунина, другая именемъ Либкнехта. Первая („Наука и насущное революціонное дѣло“ 1870, вып. I) не окончена, но очевидно направлена противъ тѣхъ, которые видѣли и видятъ цѣль дѣятельности въ пользу народа въ заведеніи школъ для народа, оставляя его экономическое положеніе нетронутымъ. Другая („Wissen ist Macht—Macht ist Wissen“ 1873)

требуетъ образованія для народа и ставитъ орудіемъ для достиженія этой цѣли политическую и соціальную агитацію. Но оба высказываютъ въ отношеніи вопроса, мною здѣсь разсматриваемаго, одно и то же мнѣніе. „Образованіе есть несомнѣнная сила“—пишетъ (стр. 8) М. А. Бакунинъ, и даже повторяетъ (стр. 10) еще съ большею энергіею: „Знаніе—сила; невѣжество—причина общественнаго безсилія“. Либкнехтъ же въ самомъ заглавіи своей рѣчи, два раза читанной передъ рабочими, напоминаетъ, что „знаніе есть сила“. Прибавляю еще къ этимъ двумъ дѣятелямъ рабочаго соціализма еще третьяго, бывшаго члена федеральнаго совѣта Международной Ассоціаціи въ Парижѣ въ 1870 г., Поля Робена. Онъ посвятилъ особое разсужденіе (De l'enseignement integral въ изданіи „Philosophie positive“ 1869—1871) вопросу о наукѣ, необходимой для рабочаго; возражаетъ тамъ на мнѣніе о ненужности или невозможности для работника пріобрѣсти надлежащее знаніе и говоритъ, между прочимъ („Phil. Posit“. T. V, 273—274): „По своимъ стремленіямъ къ положительной наукѣ, по своимъ дѣятельнымъ и честнымъ разысканіямъ истины и справедливости, Международная Ассоціація должна быть средою, гдѣ послѣднія должны воздѣйствовать, въ своемъ полномъ развитіи и въ своемъ критическомъ періодѣ, на науку общественную. Вульгаризируя эти понятія, Ассоціація увеличитъ свое могущество до такихъ размѣровъ, пока ей будетъ стоить лишь захотѣть, чтобы установить общественный порядокъ, опирающійся на науку, и къ которому горячо стремится всякій, кто страстно любитъ справедливость“. Эти слова достаточно свидѣтельствуютъ о чрезвычайной важности, придаваемой Робеномъ наукѣ для рѣшенія вопросовъ соціальнаго переворота. Всѣ эти авторы сходятся, слѣдовательно, въ признаніи науки, какъ значительной силы, а послѣдній, кромѣ того, развиваетъ мысль, что лишь наука можетъ сдѣлаться единственною *опорою* лучшаго общественнаго порядка, задачу котораго рѣшаетъ Международная Ассоціація Рабочихъ. Но къ чему эти цитаты?—скажете вы. Во-первыхъ, авторитеты ничего не доказываютъ. Во-вторыхъ, никто не споритъ, что наука—сила, и сила значительная. Когда народъ совершитъ революцію, установитъ общественный строй на началахъ соціализма, то онъ внесетъ въ

него науку, какъ дополнительную силу; но теперь вопросъ идетъ не о наукѣ, а о самой соціальной революціи. Мнѣ больше ничего не нужно, какъ ваше сознаніе, что наука есть *сила*, не только безсознательная, но такая, которая можетъ и должна лечь въ основаніе раціональной разработки соціальныхъ вопросовъ, раціональной постройки будущаго соціалистическаго общественнаго строя. Если я цитировалъ авторовъ, то не съ желаніемъ прикрыться ихъ авторитетомъ, а съ желаніемъ напомнить вамъ, что дѣло идетъ не о случайномъ мнѣніи людей старыхъ лагерей, или цеховыхъ ученыхъ, или «поповъ науки», но о мысли, получившей право гражданства среди самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ того самаго лагеря, къ которому и мы съ вами принадлежимъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы прежде всего завести среди народа школы, дать ему образованіе, ознакомить его съ методами науки, и *затѣмъ* уже призывать его къ добыванію себѣ экономическихъ, политическихъ, соціальныхъ правъ. Эта фантастическая картина можетъ быть защищаема лишь утопистами: безъ радикальнаго измѣненія соціальнаго положенія большинства *невозможны* для него ни сколько-нибудь сносныя школы, ни сколько нибудь раціональное преподаваніе; слѣдовательно, невозможно и какое нибудь знаніе, стоющее этого имени. Народъ долженъ сдѣлаться силою *самъ*, прежде чѣмъ сила знанія станетъ ему *доступна*. Онъ долженъ совершить революцію, прежде чѣмъ большинство получитъ возможность *приступить* къ научному образованію. Слѣдовательно, вовсе и не можетъ быть вопроса о научномъ образованіи для вѣчно голодающаго, вѣчно страждущаго, заваленнаго трудомъ и заботами пролетаріата въ его настоящемъ положеніи. Дѣло идетъ о нашей передовой молодежи изъ цивилизованнаго класса. Дѣло идетъ о васъ и вамъ подобныхъ. Дѣло идетъ о тѣхъ, которымъ знаніе вполнѣ доступно, для которыхъ научное развитіе вполнѣ возможно, которые имѣютъ подъ руками всѣ средства для того, чтобы пріобрѣсти силу, признаваемую за силу всѣми лагерями, силу, долженствующую служить опорою будущему общественному порядку. Должна ли эта молодежь, должны ли вы и ваши товарищи во имя любви къ народу, во имя сочувствія его страданіямъ, во имя желанія добыть ему

средства борьбы съ врагами, средства торжества надъ этими врагами—должны ли оттолкнуть отъ себя это возможное для васъ высшее развитіе, эту доступную для васъ силу, чтобы стать добровольно невѣжественными въ ряды невѣжественныхъ, безсильными въ ряды безсильныхъ, помня, что «невѣжество, это—общественное безсиліе?» Дѣло въ томъ, нужна ли *для васъ* наука, какъ сила въ борьбѣ съ многочисленными врагами народа? Нужна ли она для васъ, какъ помощника народа въ его трудной борьбѣ? Для, васъ какъ пропагандиста революціонныхъ идей? для васъ, какъ одного изъ строителей зданія будущаго общественнаго строя? Нужно ли вамъ выработать въ себѣ критическую силу мысли правильными методами, чтобы избѣжать ошибокъ, грозящихъ безпрестанно всякому, кто мыслитъ не методически? А помните, что здѣсь ошибка, это—гибель вашихъ товарищей, братьевъ; это—торжество реакціи. Нужно ли вамъ расширить свои умственныя средства основательнымъ знаніемъ? А помните, что въ эпоху борьбы, знаніе—это открытіе путей, невидимыхъ другому; въ эпоху созданія новаго строя, это — сообщеніе добавочной прочности дѣду, за которое вы стоите, огражденіе отъ опасностей порядка вещей, который вы считаете справедливѣйшимъ. Я совершенно понимаю ваше отвращеніе отъ нынѣшней оффиціальной науки въ ея наличныхъ культурныхъ формахъ, съ ея боязнью жизненныхъ вопросовъ; съ ея профессорами, воображающими себя жрецами истины и прогресса, когда они ограничиваются механическимъ отмѣчаніемъ и искусственнымъ высиживаніемъ фактовъ, не имѣющихъ въ ихъ работахъ ничего человѣчнаго, ничего прогрессивнаго,—фактовъ, которые могутъ войти въ человѣческую жизнь, въ прогрессивное міросозерцаніе лишь въ умахъ людей совершенно иного сорта; съ ея проповѣдью науки для науки, какъ будто процессъ знанія можетъ быть выдѣленъ изъ процесса жизни, какъ будто знаніе можетъ быть отрывочнымъ кускомъ, всѣ отрасли знанія не связаны между собою и непрерывный рядъ вопросовъ не ведетъ мыслителя отъ микроскопическаго наблюденія строенія органической ткани къ задачѣ соціальной революціи во имя высшаго идеала справедливости. *Формы* науки невыдѣлимы изъ остальныхъ формъ нынѣшняго общежитія, и если

современный строй проникнутъ лавочнымъ спекуляторствомъ, эгоистическою эксплуатаціею, то не могло это патологическое состояніе не отразиться и на внѣшнихъ проявленіяхъ науки. Но тотъ же процессъ вырабатываетъ гной раны больного, который выдѣляетъ желудочный сокъ и мозговую иннервацію. Въ дрянной душонкѣ профессора-филистера наука даетъ гной общественнаго индифферентизма и удушающей реакціи; но неужели она должна быть тѣмъ же въ мысли народнаго революціонера? Въ его мысли знаніе есть и можетъ быть лишь средствомъ для рѣшенія вопросовъ жизни, вопросовъ общенароднаго интереса, вопросовъ революціонной дѣятельности. Или можно допустить, что всѣ эти вопросы такъ просты, такъ малосложны, что допускаютъ рѣшеніе по соображенію, по здравому смыслу, безъ помощи знанія? Или революціонная дѣятельность такъ исключительна, что для нея вовсе не приложимы научные пріемы мышленія, вовсе не нужны свѣдѣнія изъ разныхъ отраслей знанія? Посмотримъ.

Возьмемъ народнаго революціонера въ тѣ три фазиса его дѣятельности, которые указаны выше: какъ пропагандиста революціи до народнаго взрыва, какъ участника революціи во время самой борьбы, какъ участника въ созданіи новаго общественнаго строя послѣ окончанія этой борьбы. Вы между народомъ. Вы внушили ему довѣріе. Васъ слушаютъ и вамъ вѣрятъ. Вы хотите поколебать недовѣріе народа къ его силамъ, хотите уяснить ему настоящій смыслъ тѣхъ страданій, которыя онъ испытываетъ, которыя чувствуетъ, но которыхъ не понимаетъ; хотите указать ему его настоящихъ враговъ, настоящій корень зла, надъ нимъ тяготѣющаго: хотите указать ему средства, какъ дѣйствовать, чтобы сбросить, попрать, уничтожить это зло. О чемъ и какъ вы будете ему говорить? Вы укажете ему на болѣзни, его истребляющія, на смертность его дѣтей, на насильственное сокращеніе его жизни, на оскудѣніе его силъ, на вырожденіе, ему грозящее. Вы скажете ему, что не законы природы послали на него это зло; что рядомъ съ нимъ богачи рѣже заболѣваютъ; что ихъ средняя жизнь длиннѣе; что ихъ поколѣніе имѣетъ лучшее будущее; что условія этого зла лежатъ въ общественной обстановкѣ, въ общественной средѣ, въ общественной неправдѣ.

Но для того, чтобы уяснить это, надо же знать самому, и не по наслышкѣ, не изъ разговора съ пріятелемъ-студентомъ медицинскаго факультета, не изъ популярной книжки, прочитанной на лету. Вы должны понимать, усвоить результаты общественной гигіены; понимать формы народныхъ болѣзней, знать статистику ихъ распространенія и ихъ условій, знать физіологическіе процессы заболѣванія, зараженія, истощенія; знать общественныя условія, вызывающія голодный тифъ и смертность новорожденныхъ. Если вы не будете знать на столько ясно всѣ эти факты, чтобы не только понимать самому, но передать незнающему, безграмотному, передать наглядно, ощутительно, доступно, то ваша пропаганда будетъ безсильна, или вамъ придется сочинять факты, придумывать сближенія, придется лгать народу. Если ваша революціонная проповѣдь безсильна, по вашей винѣ безсильна, когда для васъ были доступны и факты, и книги, и все возможныя пособія и матеріалы, то не думаете ли вы, что вы—надлежащій, истинный революціонный пропагандистъ? Не думаете ли вы, что вы выкупили, какъ умѣли и какъ могли, долю эксплуатаціи его вашими предками и вами самими? Не думаете ли вы, что вы добросовѣстно исполнили вашу обязанность относительно народа, который купилъ вами средства образованія и знанія своею кровью и своимъ неисходнымъ мученіемъ? Не думаете ли вы, что вы точно любите народъ, точно употребляете свои силы на его освобожденіе, точно пріобрѣтаете всѣ нужныя орудія для приближенія минуты его торжества? Нѣтъ, вы этого думать не можете, если вы искренни.—А сочинять, *лгать народу*... Лгать народу?.. Нѣтъ, ни одинъ дѣятель, ни одна дѣятельница изъ нашей передовой молодежи не можетъ пасть такъ низко, чтобы имъ это даже пришло въ голову... Вы будете говорить народу о его экономическомъ разореніи, о невозможности спастись личною работою отъ рокового процесса обнищанія, отъ гнетущей силы капитала; о томъ, что здѣсь виноватъ—не частный случай, не дурной годъ, не злодѣй подрядчикъ, не ярыга становой; что страдаетъ народъ всюду, разоренъ всюду, эксплуатированъ всюду; что и тутъ вина въ самыхъ общественныхъ основахъ строя, въ его неправдѣ для слабаго, для бѣднаго, для большин-

ства. Вы будете говорить о порядкахъ на Руси, о безграничномъ произволѣ царя, о льстецахъ министрахъ, о раболѣпствѣ придворныхъ, о грабежѣ чиновниковъ, о неправдѣ въ судахъ, о безправіи русскихъ, о томъ, какъ дошла Русь до настоящаго положенія и что сдѣлали съ русскимъ народомъ московскіе цари и петербургскіе императоры, хищные бояре и тупые попы, хапуны подъячіе и тираны губернаторы. Но и это надо узнать самому, чтобы объяснять и разсказывать. И для этого надо учиться, надо понять законы составленія капитала, образованія ренты, законы колебанія цѣнъ; надо знать распредѣленіе труда, его статистику; надо знать жизнь рабочаго и эксплуататора въ Россіи и заграницей; надо знать исторію Россіи, и не по учебникамъ, которые говорятъ лишь о «славныхъ завоеваніяхъ» да о «премудрыхъ царяхъ», о «доблестныхъ генералахъ» и «благоденствующемъ народѣ», а по трудамъ спеціальныхъ, болѣе серьезныхъ и потому менѣе стѣсненныхъ изслѣдователей.

Всюду требованіе знанія, требованіе науки, или безсиліе пропаганды, или опять *ложь* передъ народомъ, которому вы собираетесь посвятить всю свою жизнь, всю свою дѣятельность. И опять тѣ же неизбѣжныя условія серьезнаго изученія, серьезнаго знанія являются при всѣхъ другихъ предметахъ революціонной пропаганды. Они явятся предъ вами и тогда, когда вы будете разсказывать народу о томъ, какъ его дѣды и прадѣды протестовали противъ подавляющей власти; какъ образовалась Сѣчь; какъ шелъ народъ за самозванцами, за Стенькой Разинымъ и за Пугачевымъ, за атаманами понизовой вольницы; какъ уходили въ лѣсные скиты раскольники, отрицавшіе царя; какъ и теперь милліоны не признаютъ его; какъ въ чуждыхъ земляхъ возставали рабы противъ господъ, ремесленники городовъ противъ дворянъ; какъ народъ казнилъ за измѣну королей на берегахъ Темзы и Сены; какъ изгонялъ другихъ; какъ сплачиваются рабочіе Европы и Америки въ союзы, не признающіе ни королей, ни государства, ни частной собственности; какъ дрались и умирали простолюдины Парижа за свободу и самостоятельность своего города. Чтобы передать, чтобы уяснить русскому крестьянину эту легенду прошедшаго, этотъ завѣтъ отцовъ бороться и умирать за свободу, надо

самому вчитаться въ мартирологъ народовъ, въ эпопею его героевъ мучениковъ. Популярныя книжки, сухіе учебники здѣсь не помогутъ. Надо, чтобы картины борьбы и горя, героическихъ подвиговъ и мученическихъ страданій вставали живыя въ воображеніи разсказчика. Лишь тогда онъ броситъ въ душу слушателей зерно того огня, который одушевляетъ историческихъ борцовъ за права народа. Лишь тогда онъ перенесетъ въ умы русскихъ крестьянъ традиціи вѣчнаго протеста народовъ противу ихъ притѣснителей, традиціи революціи. А для этого нужно много, много знанія, и весьма серьезнаго знанія,— не то опять неизбѣжная дилемма: безсиліе или ложь. Я не стану перечислять другіе возможные предметы революціонной пропаганды, но, за исключеніемъ весьма немногихъ, всѣ они требуютъ изученія, всѣ требуютъ отъ васъ, членовъ передовой русской молодежи, времени и труда, посвященнаго на серьезное умственное подготовленіе себя къ роли пророка народной свободы, къ роли уяснителя народу русскому его правъ и его силъ, обидъ, ему нанесенныхъ, и обязанности его не терпѣть ихъ болѣе. Кто нахватался «новыхъ идей» въ бѣгломъ разговорѣ, кто вычиталъ нужныя ему данныя изъ третьихъ рукъ, изъ популярныхъ книжонокъ, тотъ на первомъ же опытѣ реальнаго осуществленія своей народной пропаганды убѣдится въ своей полной несостоятельности по предпринятому дѣлу; убѣдится, насколько добросовѣстно было бы съ его стороны стать передъ народомъ, какъ уяснитель того, что ему самому не ясно; какъ проповѣдникъ началъ, имъ самимъ основательно не продуманныхъ, какъ пропагандистъ мыслей, имъ самимъ не переваренныхъ. Если даже его совѣсть не чутка въ этомъ случаѣ—я надѣюсь, что такихъ немного между вами,—если онъ захочетъ *прикинуться* знающимъ и понимающимъ, то онъ можетъ очень легко оборваться. Народъ нашъ невѣжественъ, но смѣтливъ, а, главное, недовѣрчивъ. Онъ быстро схватитъ малѣйшее вранье, если имѣетъ возможность провѣрить его, а разъ проповѣдникъ явно проврался, онъ пропалъ во мнѣніи слушателей. Людей цивилизованнаго общества въ ихъ сношеніяхъ съ народомъ поддерживаетъ одно, и только одно—довѣріе. Едва имъ перестали вѣрить, они становятся для народа вралями—барчатами, которые богъ вѣсть изъ какихъ видовъ

къ нему подъѣзжаютъ. Всякое подобное обличенное вранье есть не только нравственное преступленіе, но соціальное зло, огромный грѣхъ для общаго дѣла революціи въ Россіи. Возможность ея успѣха опирается на союзѣ и на взаимномъ довѣріи между народомъ и нашею радикальною интеллигенціею Все колеблющее, все ослабляющее этотъ союзъ составляетъ прямой подрывъ революціонной пропаганды. Всякая ошибка нашей молодежи на этомъ пути можетъ имѣть очень дурное вліяніе. Трудно молодежи цивилизованныхъ классовъ сблизиться съ народомъ, внушить ему довѣріе, но если вы преодолѣли эту трудность, то, во имя успѣха революціоннаго дѣла, вы должны выступить въ походъ во всеоружіи, хорошо осмотрѣвъ свои доспѣхи и надлежащимъ образомъ подготовившись къ своей трудной роли.

Но переходимъ ко второму фазису революціонной дѣятельности Положимъ, народное возстаніе началось. Положимъ, борьба идетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, на Волгѣ, Окѣ и Днѣпрѣ. Россійское государство, въ формѣ ли настоящей неограниченной имперіи, или въ формѣ конституціонной по одному изъ европейскихъ типовъ, напрягаетъ всѣ усилія, чтобы уцѣлѣть, чтобы подавить народъ, оставить власть и владѣніе за *господствующими* классами. За него традиція. За него рутина. За него организація. За него немалыя умственныя силы всѣхъ тѣхъ, которые питаются соками власти, живутъ организаціею государства и видятъ, что съ народнымъ переворотомъ рухнутъ источники ихъ благосостоянія.—Все это препятствія весьма серьезныя, враги, съ которыми приходится считаться, враги, которые не разъ могутъ поставить революціонную партію въ затрудненіе. Борьба будетъ не легка. Побѣда будетъ измѣнчива. Найдутся во враждебныхъ намъ рядахъ противники опасные, умные, понимающіе средства вредить намъ. А наши силы намъ будутъ нужны всѣ, сполна, потому что не должно себя обманывать надеждою на ихъ громадность. Мы уже согласились выше, что недостатокъ образованія въ народѣ совершенно неисправимъ въ настоящемъ положеніи дѣла, до успѣха народной революціи. Едва ли можно разсчитывать на то, чтобы особенно значительная доля нашей интеллигенціи пошла вмѣстѣ съ народомъ

въ борьбу крайне опасную и при томъ несогласную съ ея выгодами, какъ класса. Пойдутъ лишь люди убѣжденные, люди, выработавшіе себѣ нравственное развитіе, сознаніе, что это *должно* сдѣлать; люди, особенно впечатлительные къ болямъ Россіи, къ страданіямъ народа, къ безнравственному положенію цивилизованнаго класса, который выросъ на средства большинства и не можетъ не эксплуатировать его въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Но такихъ особенно много никогда не было, особенно много и не будетъ. Итакъ, въ предстоящей борьбѣ важна будетъ каждая единица, каждая лишняя сила, каждое лишнее средство. На картѣ будущее Россіи, будущее народа; слѣдовательно, всякая копейка должна будетъ пойти ребромъ. Каждый изъ васъ, борцовъ за эти неоцѣнимыя блага, не только дастъ и долженъ дать *всего себя* въ трудную минуту, но долженъ вооружиться какъ умѣетъ, чѣмъ можетъ; долженъ запастись всевозможными орудіями для этой борьбы; долженъ сковать себѣ самъ то оружіе, котораго ему недостаетъ; обязанъ пріобрѣсть всѣ силы, которыя ему доступны. Но мы, кажется, условились уже, что одна изъ могучихъ историческихъ силъ—*знаніе*. Мы повторимъ съ М. А. Бакунинымъ: „невѣжество—источникъ общественнаго безсилія". И неужели эту силу,—которой значеніе мы признали, признаютъ и всѣ наши единомышленники, къ какой бы фракціи соціально-революціоннаго движенія они ни принадлежали,—неужели эту именно силу слѣдуетъ оттолкнуть отъ себя добровольно, безъ нужды, изъ какой то болѣзненной боязни, что она развратитъ васъ, сдѣлаетъ подобіемъ тѣхъ филистеровъ, которые считаютъ чешуйки рыбъ, измѣряютъ углы кристалловъ, отмѣчаютъ число линій въ данномъ мѣстѣ спектра, спорятъ до пѣны у рта о санскритскомъ корнѣ и проходятъ равнодушно мимо государственныхъ безобразій, мимо страданій народа?—Да полноте! что общаго между молодежью, учащейся наукѣ для рѣшенія вопросовъ жизни желающей понять истину въ ея серьезномъ значеніи, для того чтобы нести результаты этой истины въ народъ, приложить ихъ къ борьбѣ за народъ, и этими улитками знанія, для которыхъ микроскопическій фактикъ, ими открытый, способенъ заслонить и весь міръ и всѣ вопросы жизни? Они—безсильные рабы науки, прикованные къ одному изъ ея

Библиотека Института В. И. Ленина
65495

темныхъ угловъ и ворочающіе покорно одинъ изъ милліоновъ жернововъ, на которыхъ она приготовляетъ пищу человѣчеству. Научно вышколенные революціонеры, это—ея свободные, могучіе любовники, которымъ она съ радостью даетъ все, что можетъ дать въ данную минуту, съ которыми идетъ рука объ руку на ихъ смѣлыя предпріятія, которыхъ воодушевляетъ магическими словами въ день опасности, въ которыхъ вливаетъ устроенныя силы въ минуты борьбы. Любите ее, живите съ нею; она, настоящая наука, никогда не внушитъ вамъ индифферентизма къ жизненнымъ задачамъ, но она уяснитъ вамъ ихъ; она, настоящая наука, никогда не сдѣлаетъ васъ равнодушными къ страданіямъ народа, но укажетъ вамъ, гдѣ радикальныя средства для ихъ лѣченія и въ чемъ заключается шарлатанство эмпириковъ, предлагающихъ народу ядовитыя мази и усыпительные напитки; она, настоящая наука, никогда не посовѣтуетъ вамъ смириться передъ безобразіями власти, но разглядитъ вмѣстѣ съ вами, гдѣ слабое мѣсто этой власти, какъ подрыться подъ нее, куда удобнѣе поразить ее, чѣмъ удобнѣе поколебать ее. И этого вѣрнаго друга, и эту могучую помощницу, эту громадную силу вы хотите легкомысленно оттолкнуть отъ себя, когда вамъ предстоитъ такая трудная борьба, когда вамъ грозятъ столь разнообразныя опасности, когда противъ васъ будутъ стоять столь многочисленные, ожесточенные, искусные и хорошо вооруженные враги? – Извините, но я считаю это какимъ то необъяснимымъ безуміемъ.

Наступитъ, надѣюсь, и третій фазисъ революціонной дѣятельности вашей. Рухнетъ притѣснительное государство. Народъ станетъ господиномъ своихъ дѣйствій, своихъ силъ, своихъ средствъ, господиномъ земли русской. Тогда настанетъ самая трудная для васъ минута, какъ она была самою критическою для всѣхъ революцій, для всѣхъ историческихъ борцовъ. Окруженные поколѣніемъ, выросшимъ въ старой государственной рутинѣ, проникнутымъ старыми культурными привычками, нося въ самихъ себѣ неизбѣжные слѣды общественнаго строя, среди котораго они выросли, борцы – побѣдители должны содѣйствовать общественной организаціи, гдѣ *желательные* идеалы должны быть воплощены при *возмож-*

ныхъ условіяхъ среды и согласно необходимымъ законамъ явленій. При этомъ побѣдители знаютъ, что они окружены врагами, злоумышленниками, индифферентистами; что всякая ошибка при постройкѣ новаго вызоветъ озлобленную критику, даетъ оружіе противникамъ, составитъ слабую точку, на которую направятся удары со всѣхъ сторонъ. Эти удары надо предвидѣть и предотвратить. Къ своему страстно любимому дѣлу, къ воплощенію идеи, которая наполняла вашу жизнь, надо отнестись объективно, критически, спокойно взвѣшивая возможности, подчиняясь необходимости.

И въ минуту побѣды народа, неизбѣжно лишеннаго знаній, неизбѣжно лишеннаго привычки вырабатывать въ себѣ критическую, всестороннюю оцѣнку вещей, неизбѣжно способнаго ошибаться въ средствахъ для достиженія ясной для него цѣли,—на комъ лежитъ обязанность совѣта, обязанность критики, обязанность указанія возможныхъ ошибокъ, какъ не на тѣхъ, которые считаютъ себя призванными помочь народу, какъ представители передовой интеллигенціи, представители критически выработаннаго, нравственнаго убѣжденія? На комъ какъ не на васъ и на вашихъ товарищахъ? Но гдѣ же вы можете найти въ этомъ случаѣ указанія, какъ не въ наукѣ съ добытыми ею результатами, съ выработанными ею методами? Если для подготовленія революціи знаніе доставляло вамъ необходимый матеріалъ, если во время борьбы оно служило вамъ самымъ надежнымъ помощникомъ, то при содѣйствіи организаціи новаго строя оно становится вашимъ господиномъ, вашимъ единственнымъ руководствомъ, самою сущностью вашей дѣятельности. При революціонной проповѣди пламенная любовь къ дѣлу и талантливая сообразительность могутъ иногда—хотя рѣже, чѣмъ думаютъ—пополнить пробѣлы знанія. Во время революціонной борьбы энергическая рѣшимость играетъ наибольшую роль, и хотя знаніе есть весьма важная сила, которою пренебрегать непростительно, но оно, во всякомъ случаѣ, сила не единственная. Но когда требуется предвидѣть и оцѣнить, взвѣсить шансы и критически разобрать возможности, то ничто не можетъ замѣнить науки, ничто не можетъ даже пополнить ея пробѣла. Революціонеръ-побѣдитель, не изощрившій свою мысль критическими метода

ми, не обогатившій свой умъ надлежащими свѣдѣніями, долженъ, если онъ добросовѣстенъ, отказаться отъ всякой дѣятельности въ пользу любимаго имъ дѣла, какъ только борьба кончена, врагъ низвергнутъ, послѣдній ударъ нанесенъ. Онъ тѣмъ болѣе вреденъ для спокойнаго обсужденія новой организаціи общества, чѣмъ болѣе страстно онъ любитъ свой общественный идеалъ, если онъ не изучилъ критически средства осуществленія общественныхъ идей вообще. Именно его искренность, его страстность дѣлаетъ его доступнымъ увлеченію и ошибкамъ; ибо она дѣлаетъ вѣроятнѣйшимъ, что онъ не будетъ въ состояніи обсуждать спокойно представляющіяся препятствія и затрудненія. Именно она увеличиваетъ опасность, что зданіе, воздвигаемое побѣдителями революціонерами, будетъ зданіе непрочное. Прочность революціонныхъ построекъ,—вотъ главное, основное, существенное затрудненіе, которое можно преодолѣть лишь помощью самой строгой критики мысли, самыхъ обширныхъ вспомогательныхъ свѣдѣній, самой тщательно-выработанной для даннаго времени науки. Революцію вызываетъ элементарная потребность. Ее ведетъ черезъ ея фазисы преимущественно энергія личностей, въ ней участвующихъ. Ей доставляетъ побѣду комбинація историческихъ обстоятельствъ. Но *прочность* ея постройкѣ сообщаетъ и можетъ *сообщить только* наука. Именно потому начато было очень много революцій, и развивались энергически, блистательно, человѣчно многія изъ нихъ; побѣдили уже очень, очень немногія; прочностью же результатовъ могутъ похвалиться и того меньше. Самымъ лучшимъ, самымъ энергичнымъ, самымъ прогрессивнымъ недоставало спокойнаго, проницательнаго элемента научной критики въ ихъ руководителяхъ, и ихъ созданія оказались эфемерны. И тутъ я обращаюсь къ аргументамъ, которые вы черпаете изъ исторіи.

Да, наука играла до сихъ поръ крайне маловажную роль въ историческихъ революціяхъ. Да, онѣ производились большею частью во имя вѣрованій, иногда крайне отсталыхъ, иногда совсѣмъ нелѣпыхъ. Да, при всѣхъ этихъ условіяхъ онѣ были, тѣмъ не менѣе, воплощеніемъ *стремленій* къ прогрессу, и консерваторы съ болѣе точными знаніями, съ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ, сторонившіеся отъ этихъ движеній, стояли,

по своему развитію, ниже фанатиковъ, соединявшихъ жаркое стремленіе къ общественной правдѣ съ дикимъ догматомъ или вовсе непродуманнымъ міросозерцаніемъ. Вы мнѣ укажете на массу величественныхъ народныхъ движеній, одушевленныхъ подобнымъ догматомъ; назовете всѣ три побѣды, одержанныя подъ догматическимъ знаменемъ. Но укажите мнѣ хотя одну *прочную* революціонную постройку, созданную фанатизмомъ и чуждую критической мысли. Вѣрованіе подымаетъ народы, доставляетъ имъ побѣду, но эта побѣда эфемерна, если идеи, ею выдвинутыя, не опираются на критическую мысль. За послѣдній обширный періодъ новой европейской исторіи *прочны* оказались лишь двѣ революціи, обѣ не народныя, чисто политическія, но отличавшіяся именно обдуманностью зданія, ими возведеннаго. Это была англійская революція 1688 года и американская—семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Соціологія тогда ограничивалась ученіемъ о государствѣ, развивалась на почвѣ чисто-эмпирической и научнаго характера не имѣла; но англійскіе дѣятели, устранившіе домъ Стюартовъ, и патріоты, провозгласившіе независимость Сѣверо-американскихъ Штатовъ, были люди, наиболѣе критически взвѣшивавшіе въ свое время тѣ эмпирическіе результаты соціологіи, которые были имъ доступны, наиболѣе спокойно оцѣнившіе возможности осуществленія того или другого плана дѣйствія, наиболѣе объективно посмотрѣвшіе на вопросы о постройкѣ новаго общественнаго зданія, имъ представлявшіеся. Иначе говоря, они дѣйствовали при наиболѣе научныхъ условіяхъ для данной эпохи. Именно потому зданіе, ими воздвигнутое, оказалось прочнымъ, потребовало лишь частныхъ поправокъ, и хотя теперь представляетъ лишь мертвую форму, удобную почву для спекуляторской дѣятельности разныхъ мелкихъ личностей, но все таки не разрушается. Несравненно человѣчнѣе, несравненно народнѣе были революціи во Франціи и отразившіяся отъ нихъ волненія въ разныхъ мѣстахъ Европы. Но всѣ результаты ихъ были эфемерны, потому что ихъ искренніе, героическіе предводители отлично знали, что *желательно* во имя ихъ политическихъ вѣрованій, но вовсе не подготовили себя къ оцѣнкѣ *возможнаго* при данныхъ условіяхъ среды, вовсе не взяли въ соображеніе условій, доставляющихъ *прочность* общественному строю.

Имъ недоставало критической мысли, недоставало науки, и они погубили дѣло, которому служили, которому были преданы всею душою, для котораго готовы были пожертвовать всѣми благами жизни и самою жизнью. Исторія именно доказываетъ вѣрность положенія, которое я поддерживаю. Внѣ критически выработанной мысли она представляетъ лишь эфемерныя общественныя зданія.

Если мы заглянемъ въ исторію далѣе, въ эпохи возстанія народовъ подъ знаменемъ религій, то намъ даже представится сомнѣніе, были ли бы прогрессивныя стремленія религіозныхъ фанатиковъ, въ случаѣ побѣды, точно прогрессивнымъ фазисомъ въ исторіи человѣчества, или для *общаго* прогресса было выгоднѣе, что побѣдили болѣе критически мыслившіе, болѣе индифферентные и лицемѣрные, болѣе эгоистическіе консерваторы. Возьмемъ два конкретныхъ примѣра.

Къ XIII-му столѣтію энергія католическаго вѣрованія въ Европѣ стала ослабѣвать. Схоластическая діалектика и народная сатира, развратъ духовенства и свѣтское властолюбіе іерархіи стали понемногу разъѣдать его. Въ это время южная Франція сдѣлалась центромъ новой религіозной проповѣди дуализма, перенесенной туда изъ славянскихъ земель, и эта религіозная проповѣдь была связана, особенно у славянъ, со многими соціальными и теоретическими требованіями, весьма прогрессивными для европейскаго общества этой эпохи Ересь катаровъ (чистыхъ) по своему развитію стала опасна для католичества, и XIII-ый вѣкъ былъ періодомъ ожесточенной борьбы между ними. Съ одной стороны было молодое, глубоко искреннее, горячо религіозное вѣрованіе, связанное съ передовыми соціальными вопросами. Съ другой стороны были каменѣющія формы религіи, чуждыя жизни, съ лицемѣрнымъ содержаніемъ. Побѣдилъ католицизмъ. Результатъ былъ крайнѣ печаленъ для провансальской цивилизаціи, для немедленнаго рѣшенія нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ, но, въ сущности, кровавый крестовый походъ противъ альбигойцевъ, усилившееся стремленіе папъ къ господству надъ Европою, жестокости инквизиціи, борьба доминиканцевъ съ университетами, усилившееся разложеніе католицизма—укрѣпили и распространили оппозицію противъ религіи вообще; эта оппози-

ція подняла свѣтское образованіе въ XV вѣкѣ, выработала научную мысль въ XVII-мъ и, выработавъ ее, могла въ XIX поставить на научной критической почвѣ вопросъ о соціальной наукѣ,—не только какъ о теоріи повторяющихся соціальныхъ явленій, не только какъ о критикѣ наличныхъ общественныхъ формъ, но еще и о задачѣ наилучшаго осуществимаго общественнаго строя.

Въ XVI столѣтіи произошло другое столкновеніе. Еще болѣе ослабѣвшій католицизмъ встрѣтилъ оппозицію религіознаго вѣрованія, которое прямо провозглашало себя защитникомъ независимости мысли, конечно—на священной почвѣ недоступнаго критикѣ текста; и ученіе протестантизма тоже обращалось къ народу, вооружало его противъ эксплуатаціи духовенства, даже, въ иныхъ странахъ, защищало соціальныя права народа. Побѣдилъ этотъ разъ протестантизмъ: значительная часть Европы отпала отъ католицизма. Какой же былъ результатъ? Немедленно новое побѣдившее вѣрованіе сдѣлалось столь же схоластическимъ, столь же притѣснительнымъ, какъ и прежнее. Оно удалило изъ себя всѣ народные элементы, стало проповѣдникомъ безусловнаго права королевской власти, воздвигало костры противъ еретиковъ и свободныхъ мыслителей, потеряло всякій соціально прогрессивный характеръ и сдѣлалось въ наше время самымъ лицемѣрнымъ, но ожесточеннымъ врагомъ всякаго теоретическаго и практическаго прогресса. Побѣда же его оживила и его противника; въ религіозной борьбѣ католицизмъ возродился, создалъ іезуитовъ, создалъ новые догматы и до сихъ поръ составляетъ самую надежную опору всякихъ реакціонеровъ, опору, съ которой приходится считаться и всякимъ свободно мыслящимъ политическимъ партіямъ, падкимъ до компромиссовъ. Результаты торжества протестантизма, хотя, повидимому, прогрессивные въ *данную* минуту, оказались вообще регрессивными для человѣчества.

Обобщимъ вопросъ и дадимъ ему ту форму, въ которой онъ былъ поставленъ выше. Допустимъ, что съ одной стороны стоитъ фантастическое религіозное вѣрованіе, опирающееся на элементарныя общественныя потребности и требующее прогрессивныхъ соціальныхъ преобразованій. Съ другой стороны находятся консер-

ваторы, выработавшіе скептицизмъ въ религіи, индифферентизмъ къ общественнымъ задачамъ и разсчетливую заботу лишь объ эгоистическихъ интересахъ лишь своихъ личностей или своихъ сословій. Для *общаго* прогресса исторіи кому можно желать побѣды? Знаю, что вы немедленно отвѣтите: первымъ; и нашли бы безнравственнымъ, возмутительнымъ всякій другой отвѣтъ. Я позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на подчеркнутое мною слово и считаю позволительнымъ не утверждать то или другое, а сомнѣваться. Такъ какъ дѣло идетъ объ *общемъ* прогрессѣ, то представимъ себѣ періодъ, въ который можно оцѣнить результаты наиболѣе полно. Разочтемъ, начиная отъ появленія въ данной странѣ новаго вѣрованія до *прочнаго* осуществленія практическихъ задачъ, въ немъ заключающихся, вѣроятности большаго и меньшаго количества общественныхъ страданій, болѣе скораго или болѣе медленнаго наступленія окончательной эпохи, въ случаѣ торжества той или другой партіи. Замѣчу, что количество народныхъ страданій приходится разсчитывать только по длинѣ періода, потому что эксплуатируемые классы почти одинаково страдаютъ въ эпохи ожесточенной реакціи, сопровождающей народныя движенія и слѣдующей за ними, или въ періоды мирнаго законнаго истощенія народа его эксплуататорами. Въ первомъ случаѣ страданія болѣе остры, болѣе поразительны, болѣе бросаются въ глаза, но концентрируются неизбѣжно на меньшемъ числѣ личностей. Во второмъ случаѣ они хроничны и менѣе замѣтны, но едва ли не губительнѣе, какъ для физическихъ, такъ и для нравственныхъ силъ народа. Поэтому, для упрощенія разсужденія мы разсмотримъ лишь, когда должно ожидать сокращенія періода, отдѣляющаго появленіе новаго вѣрованія отъ *прочнаго* осуществленія поставленныхъ имъ соціальныхъ задачъ. Припомню только что полученный выводъ, что *прочное* возведеніе новыхъ соціальныхъ построекъ возможно лишь тогда, когда эти постройки опираются на критическое, научное мышленіе; слѣдовательно, прочной ихъ установкѣ должны предшествовать два факта: побѣда соціальныхъ революціонеровъ надъ консерваторами; замѣна догматическаго, религіознаго, не критическаго способа мышленія —критическимъ, научнымъ. Но порядокъ послѣдовательности

этихъ фактовъ можетъ быть различенъ. Побѣдили консерваторы. Рѣшеніе соціальнаго вопроса отложено. Религіозное вѣрованіе, одушевлявшее народъ къ борьбѣ, потеряло свой соціальный характеръ и сдѣлалось для большинства приверженцевъ или чисто—догматическимъ, безъ немедленнаго революціоннаго побужденія, или даже чисто—формальнымъ, какъ большинство общественныхъ вѣрованій. Индифферентизмъ религіозный господствуетъ между высшими классами, вслѣдствіе уже прежде выработаннаго скептицизма. Индифферентизмъ религіозный охватываетъ и классы низшіе, потому что они не видятъ прямой связи между догматами разныхъ ученій и немедленнымъ удовлетвореніемъ своихъ насущныхъ потребностей. Тѣмъ не менѣе, побѣжденное вѣрованіе, хотя и въ чисто догматической формѣ, именно потому, что оно побѣждено, поддерживаетъ оппозиціонную традицію и напоминаетъ о соціальныхъ потребностяхъ, которыя должны бы быть удовлетворены, но остаются неудовлетворенными. Между тѣмъ скептическое настроеніе господствующихъ классовъ дѣлаетъ свое дѣло: вырабатывается болѣе строгая критика; научное мышленіе замѣняетъ мышленіе догматическое. Научная критика безбоязненно подчиняетъ себѣ одинъ вопросъ за другимъ; неизбѣжно добирается и до вопросовъ общественныхъ, но добирается до нихъ уже тогда, когда строгость и методичность пріемовъ вошла въ ея привычки, когда ученые внимательно смотрятъ другъ за другомъ, провѣряя точность и изящество технической стороны критики. Конечно, иные ученые, во имя интересовъ господствующихъ классовъ, ставятъ соціальнымъ вопросамъ отвѣты научные. Соперничество теоретическое вызываетъ другихъ на полемику, иногда вовсе не имѣя въ виду, къ чему поведетъ подобная полемика. Поднятъ и тотъ старый элементарный соціальный вопросъ, который былъ связанъ съ побѣжденнымъ догматомъ, но поднятъ уже, какъ вопросъ научный, критически обсужденный, вызывающій опредѣленное реальное рѣшеніе, требующій перестройки общественнаго зданія по опредѣленнымъ критически условіямъ. Изъ диссертацій и толстыхъ книгъ вопросъ переходитъ въ летучіе листки газетъ, на площадь, въ народныя собранія. Религіозная традиція, поддерживавшая живучесть соціальнаго вопроса въ

мірѣ сектаторовъ, совершила тогда свое дѣло. Массы, имѣя передъ собою выгодное для нихъ рѣшеніе того же вопроса на реальной почвѣ, на научныхъ основаніяхъ, безъ всякой связи съ какимъ бы то ни было догматомъ, сливаются съ партіею, поддерживающей дѣло соціальной реформы. Организуется партія, сильная числомъ, вслѣдствіе поддержки народа, сильная мыслью, вслѣдствіе участія въ ней передовой доли интеллигенціи. Тогда совершается и второй изъ упомянутыхъ фактовъ. Происходитъ переворотъ путемъ мирной реформы или кровавой революціи и новый общественный строй возникаетъ на прочной основѣ научной критики, осуществляя ту самую задачу, которую ставили себѣ задолго передъ тѣмъ фанатическіе проповѣдники.

Беремъ другой случай. — Побѣдили религіозно-соціальные фанатики. Фактъ, явившійся въ самомъ концѣ процесса въ первомъ случаѣ, совершился здѣсь въ самомъ началѣ. Новый соціальный порядокъ установленъ въ связи съ строгимъ религіознымъ догматомъ. Онъ установленъ людьми страстно вѣрующими въ реальную осуществимость всего желаемаго. Онъ имѣетъ противъ себя консерваторовъ, вооруженныхъ противъ него во имя своихъ интересовъ; онъ имѣетъ противъ себя, или по крайней мѣрѣ не за себя, всю интеллигенцію скептиковъ метафизиковъ, научныхъ мыслителей, которые возмущены его религіозною формою и неизбѣжно вытекающею изъ всякаго искренняго вѣрованія нетерпимостью. Очевидно, онъ прочнымъ быть не можетъ, во первыхъ, потому что тѣ, кто его поддерживаетъ, не въ состояніи спокойно обсудить условія его прочности; во вторыхъ, потому что въ рядахъ его враговъ все, наиболѣе сильное мыслью. Происходитъ переворотъ реакціонный. Затѣмъ снова побѣда религіозно-соціальной партіи. Но и теперь она побѣдила при тѣхъ же условіяхъ, какъ прежде, и не имѣетъ вѣроятности доставить своей общественной организаціи прочности. Идетъ рядъ переворотовъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Религіозные вопросы настолько смѣшаны съ политическими, что интересуютъ всѣхъ; сами скептики употребляютъ свою силу на религіозную полемику. Привычки мысли долѣе сохраняютъ религіозный характеръ. Немногіе умы обращаются къ чисто научнымъ изслѣдованіямъ,

пріучаютъ мысль къ методамъ строгой критики. И этихъ немногихъ ненавидятъ и презираютъ всѣ партіи, какъ общественныхъ индифферентистовъ, какъ людей, чуждыхъ и своему сословію и своему народу, не раздѣляющихъ заботъ и страданій сограждан. Это и дѣйствительно, съ точки зрѣнія нравственности, люди далеко не передовые, потому что какой же человѣкъ, нравственно-развитой, способенъ работать въ своей лабораторіи, когда его соотечественники рѣжутся на улицахъ въ безконечномъ рядѣ переворотовъ, ни одинъ изъ которыхъ не можетъ выработать прочнаго общественнаго строя? Между тѣмъ, *прочная* побѣда соціальнаго прогресса возможна при этихъ условіяхъ только тогда, когда подобные индифферентисты, подобные люди, далеко не высокіе нравственно, увеличатся въ числѣ, усилятся по вліянію; когда ихъ пріемы мышленія оттѣснятъ пріемы мышленія самыхъ нравственныхъ, самыхъ искусныхъ, самыхъ передовыхъ ихъ религіозныхъ современниковъ. Мало по малу надоѣдаетъ схоластика религіозныхъ споровъ. Тогда происходитъ одно изъ двухъ.

Можетъ случиться, что, по мѣрѣ развитія круга ученыхъ спеціалистовъ, ученыхъ индифферентистовъ, методы научной критики мало по малу проникаютъ и въ соціальные вопросы, до тѣхъ поръ тѣсно связанные съ религіозными. Въ продолжающейся полемикѣ критическій элементъ начинаетъ все болѣе преобладать надъ догматическимъ. Въ повторяющихся революціяхъ спеціально-передовая партія привлекаетъ наконецъ въ свои ряды нѣкоторую долю критическихъ мыслителей. Они попадаютъ въ число руководителей, довѣренныхъ совѣтниковъ народа и, при первой побѣдѣ, придаютъ наконецъ соціальной задачѣ, столько разъ рѣшенной, правильную, критическую постановку, которая опредѣляетъ и условія общественнаго строя, достаточно *прочнаго*, чтобы устранить опасность новыхъ переворотовъ.— Но этотъ ходъ дѣла имѣетъ за себя мало вѣроятности, потому что индифферентистамъ, презираемымъ и ненавидимымъ обѣими борющимися партіями, трудно пріобрѣсти вліяніе по пріемамъ мысли на людей, пользующихся уваженіемъ своихъ приверженцевъ. Вѣроятнѣе иной ходъ.—Религіозная схоластика надоѣла, но и связанные съ нею соціальные вопросы теряютъ свое обаяніе. Догматическіе споры, точно такъ же, какъ споры

соціальные и политическіе, становятся вывѣскою, подъ которою скрывается борьба личныхъ интересовъ, личныхъ самолюбій и честолюбій. Перевороты совершаются подъ прежними знаменами, но лицемѣріе и продажность составляютъ ихъ суть. Между наиболѣе развитою, наиболѣе нравственною частью общества распространяется отвращеніе отъ переворотовъ, въ которыхъ гибнутъ обманутыя толпы изъ за самолюбія нѣсколькихъ говорунов. Лучшіе люди, удаляясь отъ общественной дѣятельности, оплакивая развратъ общества, ихъ окружающаго, уходятъ въ науку. Персоналъ научныхъ спеціалистовъ возвышается нравственно. Привычки научной мысли начинаютъ господствовать въ избранной части интеллигенціи, чуждой общественныхъ переворотовъ и столкновеній. Совершается второй изъ фактовъ, о которыхъ сказано выше, именно замѣна догматическаго мышленія критическимъ, которая въ первомъ случаѣ совершилась прежде. Съ нея начинается правильное приближеніе къ *прочному* рѣшенію соціальнаго вопроса. Привычки научной мысли, распространяя объемъ научныхъ знаній, неизбѣжно переходятъ на общественные вопросы. Рядомъ съ старыми партіями лицемѣровъ, борющихся подъ истасканными знаменами, становится новая искренняя партія, которая ставитъ критически вопросъ объ общественныхъ задачахъ, о лучшемъ общественномъ строѣ. Она рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу большинства, становится его адвокатомъ, одушевляетъ его своею мыслью, и тогда совершается переворотъ, устанавливающій *прочный* общественный строй по потребностямъ этого большинства.

Я не рѣшаюсь утверждать, что оба историческіе процесса, возможные во второмъ случаѣ, требуютъ большаго времени, чѣмъ процессъ, описанный въ первомъ; не стану очень стоять за то, что невозможенъ какой нибудь иной ходъ дѣла; но на мой взглядъ очень дозволительно усомниться, чтобы второй случай—т. е. ранняя побѣда соціально-религіозной партіи—въ *общемъ* ходѣ исторіи уменьшилъ количество общественныхъ страданій, сократилъ періодъ борьбы до прочной организаціи лучшаго общественнаго строя. Едва ли даже не напротивъ. Впрочемъ, при невозможности имѣть какія либо точныя данныя для вычисленія результата, достаточно указать на сомнительность какого либо опрометчиваго рѣшенія.

Но пора кончить письмо, которое и безъ того, можетъ быть, вы найдете слишкомъ длиннымъ. Мнѣ хотѣлось бы узнать отъ васъ, что оно васъ убѣдило. Во всякомъ случаѣ, для меня вопросъ не подлежитъ даже минутному сомнѣнію. Какъ только я призналъ, что знаніе есть сила, я немедленно заключаю, что эта сила должна быть пріобрѣтена соціальнымъ революціонеромъ въ виду предстоящей борьбы. Всякая борьба требуетъ силъ, и чѣмъ болѣе силъ, тѣмъ лучше. Отрекаться же добровольно отъ силы, которою можно вооружиться, по меньшей мѣрѣ странно. Разсматривая вопросъ подробнѣе, я убѣждаюсь, что знаніе необходимо какъ важный матеріалъ для революціонера-пропагандиста, строителя. Исторія подтверждаетъ для меня результаты, пріобрѣтенные простымъ разсужденіемъ. Она указываетъ на непрочность всѣхъ революцій, совершенныхъ подъ вліяніемъ однихъ влеченій и вѣрованій, даже самыхъ передовыхъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Она указываетъ наибольшую прочность въ общественныхъ постройкахъ, произведенныхъ съ наибольшею дозою критическаго мышленія. Наконецъ, логически разбирая вліяніе переворотовъ, даже успѣшныхъ и передовыхъ по своей соціальной программѣ, но произведенныхъ подъ вліяніемъ некритическихъ догматовъ, я убѣждаюсь въ крайней сомнительности, чтобы это вліяніе могло быть прогрессивнымъ, т.-е. могло сократить періодъ страданій большинства до окончательнаго и *прочнаго* торжества его стремленій. Отсутствіе знанія мнѣ всюду является какъ помѣха революціонному движенію, какъ ослабленіе его, какъ уменьшеніе прочности его результатовъ, какъ замедленіе общественнаго прогресса. Теорія, которую вы защищали—позвольте надѣяться, что вы се не защитите—мнѣ кажется прямымъ подрывомъ революціонныхъ стремленій, какъ въ формѣ пропаганды, такъ въ формѣ борьбы, но въ особенности же въ формѣ построенія новаго порядка вещей.

Поэтому я считаю возможнымъ заключить мое письмо слѣдующими словами, которыя я обращаю къ вамъ, къ вашимъ товарищамъ, къ русской молодежи обоихъ половъ вообще. Если вы искренно любите русскій народъ, если вы страдаете отъ его страданій, если вы вѣрите, что революція есть единственное средство помочь ему, если вы чувствуете потребность и обязанность въ этомъ ожидаемомъ народномъ возстаніи, если

вы искренно хотите сблизиться съ народомъ, со словами проповѣди будущей революціи, въ борьбѣ за революцію совершающуюся, въ построеніи новаго лучшаго порядка вещей послѣ революціи совершившейся, то передъ вами *одинъ* путь: готовьтесь серьезно и обдуманно къ революціонной дѣятельности. Помните: это не благодѣяніе съ вашей стороны, это обязанность, это служба народу. Я не говорю о приготовленіи, которое необходимо вамъ въ измѣненіи вашихъ привычекъ, не говорю о необходимости сблизиться съ народомъ, о подготовленіи физическомъ, о подготовленіи себѣ точки опоры для дѣятельности. Все это не входило въ программу моего сегодняшняго письма. Я говорю здѣсь только о подготовленіи умственномъ. Чтобы быть полезнымъ народу, вы должны вооружить вашу мысль силою критики, должны обогатить умъ разносторонними и основательными свѣдѣніями. Вы должны учиться, должны усвоить вопросы, которые вамъ необходимо встрѣтятся и въ проповѣди, и въ борьбѣ, и въ созданіи новаго строя. Вы имѣете средства вооружить такимъ образомъ вашу мысль, обогатить вашъ умъ, пріобрѣсти добавочную силу знанія. Народъ не имѣетъ этихъ средствъ, слѣдовательно, онъ долженъ пріобрѣсти силу знанія въ васъ; вы обязаны пріобрѣсти ее для него. Время, вами на это употребленное, столь же мало потеряно для революціи, какъ время, употребленное оружейникомъ на изготовленія оружія, всадникомъ на выучку лошади, стрѣлкомъ на упражненіе въ мѣткой стрѣльбѣ. Все это—средства для успѣшной борьбы, все это силы для ея успѣха; и знаніе есть средство, но далеко могущественнѣйшее большинства революціонныхъ средствъ; и знаніе—сила, самая дѣйствительная изъ всѣхъ революціонныхъ силъ. Если вы не приносите народу знанія, выработки мысли, которая вамъ была доступна, но не доступна ему, то на что вы народу? Что вы даете ему? —Еще одного борца? Ихъ милліоны и безъ васъ. Физическую силу? Ея у него довольно, да и что ваша сила предъ силою русскаго крестьянина? Личную энергію? У васъ никогда не было и не будетъ сотой доли энергіи, которая нужна русскому работнику, чтобы только просуществовать при условіяхъ его жизни. Природный умъ? У него достаточно смѣтливости. Преданность его дѣлу? Докажите ее тѣмъ, что вы потрудитесь для принесенія ему именно той силы, въ которой онъ нуж-

дается; пріобрѣтите силу знанія и принесите ему ее. Если вы этого не хотите, если вы идете въ народъ не подготовленнымъ, безъ знанія и критически выработанной мысли, то вы не болѣе, какъ паразитъ народной революціи; вы ничего не сдѣлали съ своей стороны, чтобы помочь ея дѣлу, когда вы могли это сдѣлать; вы отказались отъ доли помощи, спеціально лежащей на васъ по вашему положенію. Вы идете проповѣдывать народу съ готовностью лгать ему, потому что вы сами не усвоили себѣ то, о чемъ гы будете проповѣдывать. Вы идете сражаться въ его рядахъ съ тѣмъ, чтобы въ трудную минуту, когда онъ обратится за совѣтомъ къ уму, къ знанію «представителя передовой интеллигенціи», быть столь же безпомощнымъ, какъ послѣдній безграмотный, подавленный вѣчною работою батракъ, или чтобы безцеремонно бросить вашихъ товарищей на авось въ безумныя предпріятія, которыя ихъ погубятъ, повредятъ дѣлу народной революціи. Вы идете строить новое зданіе общества для того, чтобы ваше участіе въ его постройкѣ принесло ей менѣе прочности, облегчило врагамъ низверженіе ея, отдалило минуту окончательнаго торжества народа... Если вы не хотите пріобрѣсти *для народа* знанія, которыя ему нужны и которыя онъ самъ пріобрѣсти не можетъ, то вы не любите народа, вы не желаете искренно успѣха народной революціи, вы исповѣдуете устами то, чего у васъ нѣтъ въ душѣ. Вы—ложный другъ народа. Но скорѣе всего, если вы проповѣдуете, что знаніе, основательное знаніе не нужно, а вредно для революціоннаго дѣла, то вы дѣйствуете подъ вліяніемъ болѣзненной иллюзіи. Вы заразились мѣстной эпидеміей. Выйдите изъ зараженной мѣстности. Окружите себя болѣе свѣжею, болѣе здоровою атмосферою истинныхъ друзей народа, истинныхъ, серьезныхъ подготовителей народнаго торжества въ будущей революціи. Подумайте серьезно о вашихъ обязанностяхъ относительно народа, которому вы идете помогать, и вы вылѣчитесь...

Я надѣюсь, что вы уже здоровы... Кто прямо смотритъ на вопросы и искренен съ собою, тотъ всегда вылѣчивается отъ подобныхъ припадковъ.

Библіотека Института В. К. Агитаторовъ

КНИГИ СОЮЗА ИЗДАТЕЛЕЙ.

„Молодой Россіи".

К. Качоровскій. Народное право. 90 к.

Серія подъ ред. А. Рудина и С. Нечетнаго.

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной прогр. въ связи съ теоріей научн. соціализма. 10 к.

Подолинскій. Класс. полет. борьба въ странѣ всеторжествующ. капитализма. 10 к.

М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к

К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.

В. Черновъ. Къ теоріи класс. борьбы. 10 к.

И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.

П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 20 к.

Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.

Амари. Стихотворенія. 10 к. (распр.).

Поливановъ П. Кончился. Разсказъ. (Съ портретомъ и біограф. автора). 8 к.

А. Б—ій. Что такое народовластіе и для чего оно нужно народу. 4 к. (Попул. библ.)

Максимовъ, Н. Праздникъ труда. 3 к. (Поп. библ.)

А. Рудинъ. На ту-же тему. 20 к.

В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельб. крѣпости. 30 к.

Л. Шишко. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. 20 к.

Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Съ пред. Р. Росса 18 к.

П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.

Н. М. На войну. 4 коп. (Попул. библ.)

О. Сибирскій. Очередной вопросъ. (Объ аграрн. программахъ). 8 к.

Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. (Поп. библ.). 3 к.

П. Лавровъ. Знаніе и революція. 10 к.

„Земли и Воли".

Л. Шишко. Разсказы изъ Русской Исторіи. Въ 2-хъ частяхъ. 22 к. (Распр.).

О налогахъ. 3 к. (Распр.).

Мироновъ. Солдатскій подвигъ. 3 к. (Распр.)

Бесѣды о землѣ 2 к. (Распр.).

Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ. 3 к. (Распр.).

Протоколы учред. съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. 10 к.

Новоторжскій. Что такое правовое государство? 10 к.

В. Черновъ. Памяти П. К. Михайловскаго. 25 к.

С. Швецовъ. Крестьянская община. 5 к.

А. Макаровъ. Наши предшественники (передѣл. изъ брош. „Наши задачи"). 8 к.

По Беллами. Черезъ столѣтъ. Сокращ. 25 к.

А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Подъ ред. и съ прим. Л. Шишко. 50 к.

„Новаго Товарищества".

В. Черновъ. Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. 2-ое изд. 10 к.

С. Завъ. Земля и капитализмъ 2-е изд. 25 к.

Н. Черненковъ. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства (распр.) 80 к.

С. Ан—скій. Крестьянскій вопросъ во Франціи. 2-ое изд. 7 к.

И. Гильдебрандъ. Фома Мюнцеръ. 20 к.

В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. 20 к.

В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к.

В. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи. 3 изд. 15 к.

Ф. Гарднисъ. Почему я соціалистъ. 4 к.

Л. Какъ крестьянамъ дали волю. 4 к.

А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соц.-дем. «деревенской бѣдноте». 10 к.

Ш. Рисъ. Профессіональн. рабочіе союзы въ Англіи. 1 к.

„Народной Мысли".

Арнольди. (П. Лавровъ). Кому принадлежитъ будущее. Изъ рукописей 90 гг. 30 к.

Бахъ, А. Экономическіе очерки. 10 к.

Ив. Вольный. Завѣру, царя и отечество. 8 к.

Кравчинскій, С. Андрей Кожуховъ. Романъ. 60 к.

Николаевъ, П. Личныя воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ. 15 к.

Танъ. Новое крестьянство. 25 к.

Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.

Черновъ, В. Изъ критики соціалистическаго движенія въ Венгріи и Италіи. Ц. 10 к.

Н. Рубакинъ. Воля Аллаха. 15 к.

Танъ. Дни свободы. 0 к.

Вл. Распопова.

Ан—скій, С. Семидесятникъ. Бытов. сцены въ 1-мъ дѣйств. 7 к.

Бахъ, А. Экономич. очерки. 15 к.

Брешковская, Е. Изъ моихъ воспоминаній. 8 к.

Вандервельде. Идеализмъ въ марксизмѣ. Съ пред. Гарденина. 7 к.

Гарденинъ. (В. Черновъ). Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к.

Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 6 к.

Новоторжскій. Соціализація земли. Изд. 2-ое (исправл.) 7 к.

Поливановъ, П. Алексѣевскій равелинъ. Съ порт. авт. 20 к.

Р. Р. Соціализація земли. 5 к.

Чайковскій, Н. Чартизмъ. 20 к.

Черновъ. В. Къ вопр. о выкупѣ земли. 10 к.

Шишко, Л. С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. 12 к.

Шэфле. Сущность соціализма. Съ примѣч. П. Лаврова. 20 к.

Ф. Н. Новожилова. Проектъ основнаго закона о землѣ. 6 к.

Изданія книгоиздательства „МОЛОДАЯ РОССІЯ“.

Москва. Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2. Телефонъ № 122—75.

К. Качоровскій. Народное право. 90 коп.

Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ. 10 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба. 10 к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.
А. Рудинъ. На ту же тему. (Еще объ аграрн. экскурс. росс. соц.-дем.). 20 к.
Л. Шишко. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Съ предисловіемъ **Р. Росса.** 18 к.
П. Лавровъ. Знаніе и революція. 10 к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе. 4 к. (Попул. библ. № 1).
Н. М. На войну. 4 к. (Попул. библ. № 3).
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. 3 к. (Попул. бибил. № 2).
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Поливановъ. „Кончился“. Разсказъ. Съ портр. и біогр. авт. 8 к.
Амари. Стихотворенія. 10 к. (Распр.).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Зиминъ. Нужда крестьянская. (Попул. библ.).
Ѳ. Сибирскій. Очередной вопросъ.
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. (П. б).
Ш. Андлеръ. Комментаріи къ Коммун. Манифесту.
И. Черновъ. Луи-Бланъ.
Любомудровъ. Земля и воля.
Дм. Самойловъ. Кризисъ и безработица. (Попул. библ.).
Подолянинъ Современный анархизмъ.
М. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія
В. Лункевичъ. Н. К. Михайловскій.

Условія: Выписывающіе на сумму не менѣе 3 рублей за пересылку не платятъ. Книжные магазины въ складѣ и его отдѣленіяхъ пользуются скидкой въ 25%. При заказахъ по московскому адресу на сумму не менѣе 25 руб. пересылка по жел. дорогѣ (въ пред. Европ. Россіи) принимается на счетъ издательства. Требованія изъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются отдѣленія, въ главномъ складѣ не исполняются.

Складъ изданій: Москва, Большая Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2.

Отдѣленія склада: С.-Петербургъ: Кн. складъ „Библіотечное дѣло“. Невскій, 42. Кн. магазинъ В. П. Кранихфельдъ, Англійскій пр., № 40. —Одесса: Книжный магазинъ Е. П. Распопова, Дерибасовская.—Нижній-Новгородъ: Книжн. маг. „Новь“, Осыпная, 14.—Баку: Книжный магазинъ „Сотрудникъ“ М. А. Сундукіанцъ.—Смоленскъ: Книжный маг. „Молодая Россія“, Благовѣщенская. Казань: Контора „Крестьянской газеты“. 2-я Академическая, домъ Говорова. Курскъ: Кн. маг. „Народная Польза“ Е. Сапуновой.